

Женское начало

русская мусульманка стала первой женщиной-казием в истории Ислама

В этой статье речь пойдет о Мухлисе Габдулгаллямовне Нигматуллиной-Буби (1869-1937). Эта женщина принадлежала к династии мусульманских просветителей России, создавших целый комплекс учебных заведений. С 1895 г. вместе с женами своих братьев Мухлиса Буби принимала активное участие в создании женского медресе в родной деревне Иж-Буби. В 1901 г. была открыта шестилетняя женская школа. А в 1907 г. в рамках медресе – женское русско-татарское училище. После разгрома медресе и ареста братьев Мухлисы Буби женское училище было закрыто (1912 г.). Буби переехала в Троицк, где возглавила женское медресе. С 1913 г. она преподавала вероучение в женской гимназии. В 1914 г. – организовала женское медресе. В 1915 г. – добилась открытия и женской учительской семинарии. Не менее интересна и дальнейшая деятельность Буби на одном из руководящих посту Духовного Управления мусульман, о чем и пойдет речь.

***

1-10 мая 1917 г. в доме Ш.Асадуллаева в Москве состоялся Первый Всероссийский мусульманский съезд, сыгравший большую роль в жизни российских мусульман. В ходе дебатов особо подчеркивалось, что отсутствие равноправия женщин, составлявших половину нации, затрудняет национально-демократическое движение. Отмечалось, что хотя мусульманки Поволжско-Уральского региона сравнительно свободно пользуются своими правами, женщины Кавказа и Туркестана вынуждены подчиняться обычаям, выдававшимся за требования шариата и не признававшим за ними человеческих прав. После бурного обсуждения съезд принял резолюцию о политическом и гражданском равноправии мусульманок.

Исходя из принципа равноправия женщин, решался и вопрос об участии мусульманок в управлении духовными делами мусульман России. Впервые в истории России сами мусульмане избрали на альтернативной основе муфтия и шестерых членов Центрального духовного управления мусульман (ЦДУМ) России. На должность шести казиев на заседании 10 мая было выдвинуто 38 кандидатур. Среди них были три женщины - Фахрелбанат Акчурина, Мухлиса Буби и Марьям Паташова. Избранной оказалась Мухлиса Буби, хотя она и не присутствовала на съезде. За ее избрание было подано 307 голосов, против проголосовало 280 делегатов. Насколько известно, это был первый и до сих пор единственный случай в исламском мире, когда женщина-мусульманка была избрана казием - судьей по шариатским делам.

Редактор журнала «Сююмбика» Я.Халили отмечал: «Мы не знаем такого явления в исламском мире. Даже в являющемся исламским государством Турции, как нам известно, нет такого – женщины-казия. Это событие – избрание женщины казием – стало возможным лишь под влиянием женского съезда, под воздействием голоса женщин. Это факт, доказывающий конец затворничества женщин, равенство мужчин и женщин в делах и правах».

Первым делом избранного на московском съезде Духовного управления было совещание, работавшее в Уфе с 15 по 21 июня с участием 90 муфтиев и специалистов. Совещание предлагало продолжать прежнюю линию культурно-национального движения, делавшего основной упор на скорейшее решение религиозных и школьных проблем.

Среди резолюций Первого общемульманского съезда была и резолюция о равноправии женщин. Делегаты отнеслись к ней неоднозначно еще на самом съезде. 10 мая за подписью 191 делегата был даже внесен протест против него, который съездом не был принят во внимание. Вернувшись на места, недовольные этим решением делегаты развернули агитационную кампанию, результатом чего стал шквал протестов с мест как на имя только что образованного Духовного управления, так и избранного съездом Центрального национального совета. Особое негодование мужчин вызвал пункт, запрещающий многоженство. Как язвительно писал Я.Халили, даже солдаты с фронтов в массовом порядке отправляли свои протесты по этому поводу.

В результате Второй общемульманский съезд вновь рассматривал женский вопрос и по предложению женщин принял новую резолюцию, которая гласила: "2-й Всероссийский мусульманский съезд находит необходимым немедленное проведение в жизнь постановлений 1-го Всероссийского мусульманского съезда по женскому вопросу, помимо вопросов о наследственном праве и праве свидетельского показания, и поручает Оренбургскому магометанскому духовному собранию действовать в женском вопросе согласно этому постановлению".

Так женщины доказали свою способность ставить общенациональные интересы выше женских и большее, по сравнению с многими мужчинами, умение находить решение сложных вопросов. Резолюция эта была принята, но потока протестов не остановила. Как бы в ответ на это казий М.Буби обратилась к мусульманкам России с призывом не соглашаться быть второй женой. Затем Духовное управление распространило особое постановление о многоженстве с перечислением всех условий, при строгом выполнении которых оно было возможно. Автором этого постановления также была М.Буби, а подписали его и муфтий Г.Баруди, и все шесть казиев.

***

В период, когда дореволюционная система управления страной была полностью разрушена, а новая – Республика Советов – еще только складывалась, в Уфе начал работать Милли меджлис – Национальное собрание. Депутаты Собрания избрали Милли идарэ – Национальное управление – в составе трех назаратов (управлений). Мухлиса Буби, как и все казии, участвовавшая в работе Собрания, была избрана членом управления по делам религии. Чтобы у читателя не сложилось впечатление, что выборы, вероятно, были формальными, так как все казии и до выборов уже работали в своих назаратах, следует отметить, что выборы проводились демократично, закрытым голосованием, и в члены назаратов проходили набравшие большинство голосов сначала при внесении в списки кандидатов, а затем и в министерство. Так, Мухлиса Буби шла третьей в списке вслед за Р.Фахрутдиновым, получившим 65 голосов при внесении в список и 76 голосов в ходе выборов при 10 голосах против, и С.Урмановым (64/64 - 12). Она набрала 51/60 голосов при 16 голосах против. Известный мударрис и богослов Зия Камали, например, получил всего лишь 35 голосов при внесении в списки, а при выборах - и того меньше.

Однако Милли идарэ и все подчиненные ему учреждения были ликвидированы постановлением Наркомнаца и Центрального татаро-башкирского комиссариата от 21 апреля 1918 г. Все их имущество, финансы и документы подлежали передаче в распоряжение Центрального татаро-башкирского комиссариата. Из трех его управлений - назаратов - с условием невмешательства в политику было оставлено лишь Духовное управление.

Трудно сказать, какую позицию занимала Мухлиса Буби в годы гражданской войны, когда Уфа переходила из рук в руки. Известно лишь, что в 1918-1919 гг. она находилась в Уфе и, видимо, продолжала трудиться на том поприще, куда направила ее судьба. Вероятно, перед ней не раз вставал и вопрос о том, с кем быть, что делать. Особенно обострился этот вопрос в

конце 1918 - начале 1919 г.: при отступлении армии Колчака вместе с нею решило оставить Уфу и Национальное управление. Муфтия Г.Баруди в это время в Уфе не было, и членам Духовного управления самим нужно было решить, как быть им. Два члена высказались за уход из Уфы. Трое - Р.Фахрутдинов, К.Тарджиманов и М.Буби, считавшие, что муфтиат как религиозный орган не должен вмешиваться в политику, - остались, чтобы сохранить Духовное управление, судьба которого и так висела на волоске. Стоит подчеркнуть: то обстоятельство, что часть членов Духовного управления не покинула Уфу вместе с войсками Колчака, вероятно, не дало повода ретивым атеистам, новоявленным комиссарам, разгромить его.

После окончания гражданской войны членам Духовного управления необходимо было наладить его работу, приспособившись к новым условиям. Они все же надеялись, что удастся наладить руководство религиозной жизнью народа и при новой власти, и решили собрать для этого съезд религиозных деятелей. "Уже давно была цель собрать мухтасибов, дать им соответствующие инструкции, познакомиться с настроениями людей. До сих пор не удавалось осуществить этот замысел. На этот раз было решено весной организовать всеобщий съезд. Тем более что и местные коммунисты относились к этому положительно", - описывал дальнейшее развитие событий Г.Баруди в своей "Памятной книжке".

Мухлиса Буби была единственной женщиной в руководстве Духовного управления мусульман

На съезде (прошедшем, правда, не весной, а осенью 1920 г.) муфтием вновь был избран Г.Баруди, получивший 257 голосов. При избрании казиев Р.Фахрутдинов получил 295 голосов "за" и 14 - "против", К.Тарджиманов - 281-29, М.Буби - 207-98, Гиният Капкаев - 168-145, Хаджи Гали - 65-193 голоса соответственно. "Примечательное явление – избрание Мухлисы-ханум, – подчеркнул муфтий. – Судя по тому, что говорили многие, и по ходу съезда, ее повторное избрание казалось невозможным. И сама она, понимая это, подала заявление об уходе из общей комиссии. Но женщины активизировались и высказали президиуму пожелание избрать ее или кого-нибудь из других женщин, подали такое заявление... В конце концов большинство, чтобы не допустить взрыва возмущения, выразило согласие на ее избрание". Так Мухлиса Буби вновь была избрана казием.

Она быстро заработала авторитет и известность. О ее справедливости, честности в народе слагались легенды. Именно к ней, в Уфу, за сотни верст, в поисках защиты и справедливости стекались тысячи обездоленных, угнетенных женщин и находили у нее помощь и понимание. Не зря она и на последующих мусульманских съездах неизменно переизбиралась и в течение 20 лет, до трагического конца, активно работала на своем нелегком посту, была правой рукой муфтиев Г.Баруди и Р.Фахрутдинова.

Известно, что Мухлиса Буби руководила отделом по семейным делам, а позднее была секретарем Духовного управления. Вот как охарактеризовала она свою работу во время допроса 21 сентября 1930 г.: "Работала в отделе "семейный", т.е. вела линию, регулировала семейно-бытовые вопросы, вела борьбу с многоженством, [...] вела разъяснительную работу среди женщин о ее равных правах с мужчинами".

Как видно из материалов III съезда мусульманского духовенства и верующих Внутренней России и Сибири, состоявшегося в Уфе в конце 1926 г.^[1], деятельность отдела, руководимого Мухлисой Буби, была весьма обширной. О большой работе, проводившейся ею непосредственно, говорили и участники съезда. Например, при обсуждении отчетов кем-то из делегатов был задан вопрос: "Почему Мухлиса Буби не посылалась на места для проведения работ по вверенному отделу?" Ответ президиума: "Из-за перегруженности ее работой здесь и преклонности лет".

Другое свидетельство оставил известный богослов, философ и общественный деятель Муса Бигиев: "Абдулла Сулейманов восхвалял Мухлису Буби, говоря, что она сделала весьма многое; выходит: она сделала больше, чем все остальные казии - пожалуй, это и в действительности так". И саркастически добавил: "Оказывается, революция превратила единственную у нас женщину в сильного работника, а мужчин - наоборот". По всей видимости, и остальные делегаты съезда нашли работу М.Буби вполне удовлетворительной: во время выборов членов ЦДУМ она собрала больше всего голосов - 434, тогда как остальные члены (мужчины) собрали от 272 до 358 голосов каждый.

Мухлиса Буби выступала с публикациями в журнале "Ислам мэжэллэсе" ("Исламский сборник"), выходившем в 1924 - 1927 гг. при ЦДУМ, составляла фетвы, выступала арбитром по семейным проблемам. Некоторые из ее статей не потеряли актуальности и сегодня, спустя десятки лет. Например, в статье "Женщины в мире Ислама", проследив роль женщины в семье и обществе с эпохи первоначального Ислама, она останавливалась и на задачах, стоявших перед современной ей женщиной.

По ее мнению, наиважнейший долг женщины - сохранение традиций и языка: "На сегодня мы имеем язык, при помощи которого можем не только исполнять повседневные нужды. Это также и язык религии и науки. Даже если в нем много слов, вошедших из других языков, они уже наше достояние... Следовательно, мы имеем очень хороший, зрелый язык... Но в последнее время, даже в деревнях наблюдается слишком частое и неумелое использование русских слов... Пусть наш народ знает по-русски, если сможет, пусть знакомится и с другими языками, знание очень нужно, но нельзя, разговаривая на родном языке, использовать к месту - не к месту, нужно - не нужно слова из других языков". Эти слова сегодня звучат еще более актуально, чем тогда, когда они были написаны.

***

Репрессии 20-30-х годов XX века не обошли стороной и Мухлису-абыстай, несмотря на свои преклонные года продолжавшую трудиться в Духовном управлении. В первый раз с представителями органов НКВД ей пришлось встретиться 21 сентября 1930 г., когда ее допрашивали в связи с обвинением в незаконном хранении золотых монет и ценных вещей по статье 59 Уголовного кодекса. Все, что она хранила, намереваясь совершить хадж в Мекку, было конфисковано. На этот раз обошлось без ареста.

Во второй раз не обошлось... "В начале ноября 1937 г. в одном из отделов УГБ НКВД была составлена секретная справка по Башкирии, в которой было указано, что "Бобинская является участницей контрреволюционной буржуазно-националистической повстанческой организации, вскрытой в Башкирии. Она активно проводит контрреволюционную националистическую работу, осуществляя связь с контрреволюционной организацией с иностранными разведками... Бобинская подлежит аресту и привлечению к ответственности по статье 58, пункты 2, 6, 10, 11 Уголовного кодекса РСФСР". Дверь тюремной камеры была уже перед ней раскрыта, судьба - предрешена. 20 ноября ее увезли в следственную тюрьму прямо из здания ЦДУМ" [2].

С. Рахимов, исследовавший и опубликовавший материалы следственного дела, отмечает: "Протоколы допроса М.Бобинской скудные в своей информационной части. Все чудовищные обвинения, которые ей приписывали, она напрочь отрицала. На следствии Мухлиса держалась мужественно и гордо, ни одно имя не прозвучало из ее уст. Однако на ее честное имя возводили напраслину в многочисленных протоколах других подследственных, арестованных в Казани, Уфе, Москве, Ташкенте, Баку и других городах. Слишком заметной и авторитетной была фигура М.Бобинской среди мусульман СССР, поэтому следователи для придания большей убедительности своему очередному кровавому "детективу" включили секретаря ЦДУМ М.Бобинскую в число организаторов якобы существовавшей "повстанческой контрреволюционной организации".

Блестящий педагог, более 20 лет отдавшая делу распространения женского образования среди мусульманок России, авторитетнейшая казий Центрального духовного управления мусульман, прослужившая верой и правдой на этом посту еще 20 лет, Мухлиса Буби на заседании "тройки" НКВД Башкирской АССР 30 ноября 1937 г. была обвинена в участии в "контрреволюционной повстанческой националистической организации Башкирии" и приговорена к расстрелу. 68-летняя Мухлиса-абыстай была расстреляна 23 декабря 1937 г. Вместе с ней были казнены еще шесть духовных лиц. Все они постановлением Президиума Верховного суда Башкирской АССР от 23 мая 1960 г. были реабилитированы "за отсутствием состава преступления".

Таковы судьба замечательной женщины беззаветно, как и ее братья, и подвижнически служившей делу просвещения народа. Не сломавшись после разгрома их детища - медресе Буби, - она вновь и вновь возобновляла свою просветительскую деятельность, уверенная, что только неустанный труд на ниве просвещения принесет благо народу, поможет ему освободиться от мракобесия и косности. Несмотря на то, что действительность неоднократно уничтожала ее надежды, она до последнего дыхания оставалась верна своим идеалам, тому пути, который выбрала в молодости.

